Чжао Лиюань молча вел машину, какое-то время в салоне никто не разговаривал, но Ань Лэ смутно чувствовал, что атмосфера стала какой-то напряженной.

— Тогда поехали к северным воротам, оттуда ближе к учебному корпусу Чэна, — произнесла Ань Юнь.

— Ладно, пусть так, — согласился Чжао Лиюань.

Всю дорогу машины по обеим сторонам тесно жались друг к другу, и казалось, что этому потоку не будет конца, сколько ни едь.

Ань Лэ не стал просто так опускать автомобильное стекло, а лишь смотрел на виды снаружи через тонированные в цвет тушеной туши стекла.

Школа, в которой учился Чжао Чэн, была старшей школой с самой долгой историей и самыми богатыми преподавательскими ресурсами в городе Цзиньчэн. Даже находясь за несколько тысяч километров отсюда, Ань Лэ был наслышан о ее громкой славе. Едва взглянув издалека на выложенную камнем внешнюю стену школы, уже можно было ощутить стать этого престижного учебного заведения.

Машина ехала неизвестно сколько времени, но они все еще не доехали до другого входа.

Ань Лэ впервые узнал, что старшая школа может быть такой «огромной».

Наконец они добрались до северных воротов. Людей у них было немного, но и не мало, и они припарковали машину в углу на ответвлении дороги.

Дядя Чжао вел машину осторожно: мама говорила, что вокруг сплошь и рядом стоят автомобили стоимостью в миллионы, и задеть их было бы неприятно.

— Ань Лэ, мы с дядей Чжао сначала пойдем найдем Чэна, а ты посиди в машине и никуда не уходи, понял?

— Понял, мамик, — ответил Ань Лэ.

Заметив, что оба отстегнули ремни безопасности и собираются выйти, Ань Лэ бросил взгляд на возвышающиеся вдалеке здания, и в нем внезапно вспыхнуло непреодолимое желание пойти и посмотреть на все изнутри.

— Мама!

Ань Юнь на мгновение замерла и повернулась к Ань Лэ:

— В чем дело?

Хотя взгляд мамы был спокойным, а на лице не отражалось никаких эмоций, Ань Лэ тут же проглотил слова, которые уже почти готов был сорваться с языка.

— Вы… будьте осторожнее, на улице очень много машин.

— Угу.

Прошло совсем немного времени, как оба вернулись, неся в руках вещи, а на плече у Ань Юнь появился еще и рюкзак. Вокруг выходило множество других родителей и учеников, но Ань Лэ, хотя никогда раньше не видел младшего брата Чжао Чэна, узнал его с первого же взгляда.

Тот шел в окружении супругов, и мамин взгляд ни на секунду не отрывался от него.

Брат был на полголовы выше Ань Лэ, а телосложением очень походил на дядю Чжао — крепкий и внушительный, с густыми бровями. Одет он был в бросающуюся в глаза одежду, на ногах красовались кроссовки с граффити, а в руке он прижимал к груди фиолетовый баскетбольный мяч.

Он с первого взгляда отыскал машину своей семьи и, не дожидаясь родителей, уверенно зашагал к ней.

Ань Лэ торопливо подвинулся в сторону, выпрямил спину и стал ждать первой встречи с братом. Однако Чжао Чэн прошел прямо мимо капота, открыл переднюю дверь и устроился на пассажирском сидении.

Сначала Ань Лэ сидел справа, но, подумав, поспешно пересел налево, чтобы брат мог сразу увидеть его, стоило тому повернуться.

Он сжал кулаки, мысленно подбодрил себя, а затем протянул руку в сторону сидевшего спереди брата:

— Ты ведь Чжао Чэн, привет, меня зовут Ань Лэ.

— Угу, — Чжао Чэн даже не обернулся, достал из кармана наушники и надел их.

Ань Лэ поджал губы и с некоторым разочарованием опустил руку. Когда дядя Чжао и мама тоже сели в машину, Ань Лэ с удивлением обнаружил, что Чжао Чэн почти не общается с

родителями.

Ужинали они вне дома. Дядя Чжао заказал целый стол роскошных блюд, большинство из которых Ань Лэ раньше никогда не пробовал. Ему нравилось абсолютно все: вкусное, красивое, диковинное. Он мысленно отмечал про себя каждое блюдо, думая, что, когда вернется домой, сможет приготовить что-то подобное для дедушки.

Однако для Чжао Чэна этот изобильный стол казался пресным, словно трава. Сделав пару глоуков, он отложил палочки, принялся убивать время за мобильным телефоном и принялся жаловаться, что устал и хочет домой.

Чжао Чэн только что закончил экзамены, и было вполне естественно, что он устал за целый день и хочет отдохнуть. Ань Лэ тихонько сказал Ань Юнь:

— Мама, мы же можем забрать остатки с собой.

Выслушав его, Ань Юнь отказалась:

— В нашей семье не едят вчерашнюю еду, это нездорово.

— Ничего страшного, можно положить их в холодильник. Многие блюда почти не тронуты, будет слишком жалко их оставлять, — глядя на уставленный едой стол, Ань Лэ чувствовал, как у него сердце сжимается от жалости.

Но Чжао Лиюань лишь отмахнулся и с улыбкой произнес:

— Ань Лэ — и впрямь хороший мальчик, который ценит еду. Совсем не то что Чэн, тот совершенно не умеет экономить.

— Ну раз ты хочешь взять с собой, давай упакуем.

Ань Лэ только собрался согласиться, как вдруг услышал, как Чжао Чэн бросил телефон на стол со звуком удара!

Раздраженным голосом он бросил:

— Мы поедем в конце концов или нет? Сколько нам еще ждать, пока он со своими коробочками возится?

— Ладно-ладно, не будем ничего упаковывать! Едем домой прямо сейчас.

Ань Юнь тут же подскочила на месте, подхватила сумочку и собралась уходить.

Чжао Чэн бросил косой взгляд на Ань Лэ и только после этого направился к выходу, уткнувшись в телефон. Даже при всей своей медлительности Ань Лэ понял, что расстроил младшего брата.

Когда они наконец добрались до дома, Чжао Чэн со своим рюкзаком прошел в самую дальнюю спальню и с грохотом захлопнул за собой дверь! Раздался оглушительный звук удара.

Ань Лэ растерянно стоял у входа с чемоданом в руках.

Тут он услышал голос дяди Чжао:

— Ань Лэ, дружище, дядя сначала хочет перед тобой извиниться.

Ань Лэ подумал, что речь идет о поведении брата, поспешно замахал руками и уже хотел сказать, что это его собственная вина, но услышал, как дядя Чжао продолжил:

— Вообще-то мы собирались освободить кабинет и устроить тебе там комнату, но им постоянно пользовался Чэн. Он все время был в школе, и мы не знали, можно ли трогать его вещи, поэтому не смели наводить там порядок без спроса. Вот и получилось, что ты приехал, а кабинет так и не подготовили.

Ань Лэ бросил взгляд на гостиную:

— Ничего страшного, дядя, я могу поспать на диване.

— Ну как же так! Ты приехал к дяде в гости, как ты можешь спать на диване? Я думал подселить тебя к Чэну на пару ночей, но у этого пареньца характер тот еще — едва пришел, сразу заперся в комнате, совсем от рук отбился!

— Я тут подумал: если ты не возражаешь, в кладовой есть раскладная кровать, можно временно поспать на ней пару дней.

— А завтра я заставлю Чэна разобрать кабинет, чтобы тебе было где жить!

Дядя Чжао провел Ань Лэ в кладовую. Помещение оказалось небольшим: с одной стороны стоял шкаф для вещей, с другой громоздкой кучей ютились разные разности, а в углу была установлена раскладная кровать, на которой уже лежали застеленные простыня и одеяло.

— Здесь очень хорошо, дядя Чжао, я с удовольствием посплю тут, — ответил Ань Лэ.

Чжао Лиюань широко улыбнулся:

— Ну ладно, тогда пока поживи здесь, не обессудь.

Кладовая примыкала к небольшому балкону, где стояла стиральная машина, а рядом находилась крошечная ванная комната. Пусть тесно, но для Ань Лэ это было просто идеальным вариантом.

Когда дядя Чжао и мама ушли, Ань Лэ подошел к краю балкончика и, глядя на ночной вид далекого города, легко выдохнул.

Оказывается, отправиться одному в незнакомый город было не так уж и сложно.

Он благополучно добрался до маминого дома.

Глянув на часы и поняв, что время еще раннее, Ань Лэ достал телефон и позвонил дедушке, оставшемуся за тысячу километров.

Гудки шли один за другим:

— Алло?

— Сяо Лэ, это ты?

— Дедушка, это я. Я только во второй половине дня доехал до Цзиньчэна, сейчас уже у мамы дома, и вот только представилась возможность позвонить тебе.

— Дедушка знает, я еще днем спрашивал твою маму и успокоился только тогда, когда она сказала, что встретила тебя. Расскажи скорее деду, ты рад, что сегодня увиделся с мамой?

— Конечно рад.

— Мама всё такая же нежная и красивая, и ко мне очень хорошо относится. А еще у меня есть младший брат, Чжао Чэн, он такой высокий!

— А дядя Чжао вечером возил нас на ужин в большой ресторан, там было столько всего вкусного! Я всё запомнил, вернусь — обязательно научусь готовить эти блюда для тебя.

Услышав слова Ань Лэ, дедушка на другом конце провода расплылся в широкой улыбке:

— Старик я уже, о чем тебе вечно думать? Ты лучше воспользуйся летними каникулами, хорошенько отдохни, побывай везде, где еще не был, и попробуй всё, что не пробовал!

— Ой, дедушка, ты даже не представляешь, дядя Чжао и мама думают о том же самом! Они такие гостеприимные, дядя Чжао всё говорил, что обязательно потащит меня гулять.

— Ну и отлично, хорошо. А я ведь переживал, когда ты уезжал, выходит, зря накручивал себя.

Услышав слова внука и поняв, что тот действительно счастлив, дедушка наконец отпустил тревогу, что тяжелым камнем висела на сердце.

— Сяо Лэ, ты впервые уехал так далеко от дома. Если ночью заскучаешь по родным местам, обязательно звони дедушке, понял?

— Я знаю, дедушка.

— Ну тогда ложись спать пораньше, столько дней в поезде — наверняка устал. Нужно хорошенько выспаться и набраться сил, чтобы было желание гулять, верно?

— Угу, дедушка, ты тоже ложись пораньше.

Закончив разговор с дедушкой, Ань Лэ медленно опустил уголки губ, которые всё это время были приподняты в улыбке. Вернувшись в кладовую и заметив чемодан, он вдруг вспомнил о гостинцах, которые привез из дома.

Он хлопнул себя по лбу: нужно было срочно достать их и отдать маме и дяде Чжао!

В огромном чемодане половину пространства занимали вяленое мясо и мясные деликатесы, которые они с дедушкой готовили вместе, а также фруктовые и цветочные чаи, заготовленные в разные сезоны. Ань Лэ еще дома разложил всё по пакетам и разделил на три части — по одной для мамы, дяди Чжао и младшего брата.

Пусть подарки не стоили баснословных денег и не отличались диковинностью, но всё это они сделали своими руками, тщательно отобрав самое лучшее из того, что было дома.

Прижав к груди три бумажных пакета, Ань Лэ вышел в гостиную, но никого не обнаружил.

Поразмыслив немного, он решил сначала отдать один пакет брату — заодно представился бы отличный повод извиниться.

Подойдя к двери комнаты Чжао Чэна, он с удивлением заметил, что она приоткрыта. Ань Лэ

уже собирался постучать, как вдруг услышал доносившиеся изнутри слова Чжао Чэна:

— Вы вообще соображаете, что творите? С чего ради этот деревенщина будет жить здесь целых два месяца?

— Я против!

— Немедленно отправьте эту деревенщину туда, откуда припперся!

Глава 4

Рука Ань Лэ, занесенная для стука, так и застыла в воздухе, а из-за двери донеслись голоса мамы и дяди Чжао:

— Как ты разговариваешь? Мама с папой тоже думают о твоем бенефите.

— Если он тебе так не нравится, пусть живет в кладовой, только смотри мне, не вздумай человека обидеть и прогнать.

— Не сердись, сынок, мама сейчас же пойдет и поговорит с ним, хорошо?

Ань Лэ больше не стал слушать. Осторожно развернувшись, он быстрым шагом удалился.

Вернувшись в тесную кладовую, где не было даже письменного стола, Ань Лэ поставил бумажные пакеты на картонную коробку и присел на корточки рядом с целой стопкой таких же коробок.

Радость от встречи с мамой спустя столько лет в этот момент оборвалась на полуслове.

http://bllate.org/book/36498/4535191